

А.А.Щелчков

Социальная утопия мексиканских писателей XIX в.: мечта об идеале жизни и гармоничном обществе

Социальная утопия впервые появляется в художественной литературе Мексики в начале XIX в., в эпоху Войны за независимость. Видными фигурами этого течения были Х.Х.Фернандес де Лисарди и И.М.Альтамирано. Эстафету приняли первые социалисты и либералы середины века — как писатели-литераторы, эссеисты, так и политики. Особое место среди них занимает имя Н.Писарро. Общей идеей мексиканского утопического романа было стремление решить аграрный вопрос и проблему бедности крестьян через общинность и коллективное хозяйство. Именно эти идеи стали основой прогрессивной мысли Мексики вплоть до реформ Л.Карденаса в 30-е годы XX в.

Ключевые слова: социальная утопия, литературный романтизм, первый социализм, Н.Писарро, И.М.Альтамирано.

«...не стоит и смотреть на карту, раз на ней не обозначена Утопия, ибо это та страна, на берега которой всегда высаживается человечество. А высадившись, оно начинает осматриваться по сторонам и, увидев лучшую страну, снова поднимает паруса».

Оскар Уайльд. «Душа человека при социализме».

Постмодернизм, завоевавший в последние десятилетия почти все интеллектуальное пространство, декларировал конец истории, а значит — бесполезность всех проектов социального переустройства и создания иного в будущем. В мире постмодерна нет места социальной утопии — ведь она ставит моральные принципы в центр своей проекции будущего, отвергает фатализм и детерминизм прогресса. Между тем следует согласиться с Николаем Бердяевым, утверждавшим: «Утопии играют огромную роль в ис-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

тории. Утопии могут быть движущей силой и могут оказаться более реальными, чем более разумные и умеренные направления. Обыкновенно утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись»¹.

Социальная утопия предрекает идеальное общество, в котором будут реализованы все мечты человечества. Неслучайно слово утопия означает «место, которого нет». Утопист чувствует себя демиургом, творцом реальности, тесно связанной с окружающим обществом и его ценностями. У утопии большой потенциал социального и духовного развития. Построения первых социальных утопистов начала XIX в. в Латинской Америке со временем составили идейный багаж исторически состоявшихся движений, либерализма, социализма, социал-консерватизма. Видный теоретик общественной мысли Карл Мангейм отмечал: «Часто случается, что утопия выступает сначала как мечты и чаяния отдельного индивида и лишь впоследствии входит в число политических устремлений более широких слоев»².

Известный мексиканский историк Виктор Альба утверждал, что в Мексике почти не было утопистов³. Он, вероятно, искал фигуры равные европейским мыслителям Анри де Сен-Симону, Шарлю Фурье или Этьену Кабэ, иначе такое категоричное заявление из уст именитого специалиста становится необъяснимым. Мексиканской общественной мысли и литературе в XIX в. свойственны утопические построения. В Мексике творили мыслители и литераторы, создававшие блестящие произведения, наполненные социальным утопизмом. Мексиканская литература вполне может сравниться с французской и русской в своем пристрастии к социальным темам и к построению утопических моделей общества. Литературная социальная утопия дала в Мексике самые яркие примеры критики современной ей действительности и образы общества будущего, основанного на справедливости, солидарности, христианской морали и равенстве.

В Новой Испании, Мексике, первые утопические произведения появились на этапе перехода от колонии к независимой республике. В области литературы и общественной мысли это был переходный период от просвещения к романтизму. Утопия формировалась как ответ на поиски общественного идеала перед лицом отсталости, традиционализма или, как единодушно его называли просветители XIX в. от Доминго Фаустино Сармьенто до чилийца Франсиско Бильбао, варварства. Как отмечал в XX в. мексиканский историк Гастон Гарсиа Канту, помимо рецепта преодоления варварства во всех этих утопиях содержалась программа народной революции⁴. В начальный период, в первой трети XIX в., литературный утопизм содержал целеполагание демократической, либеральной революции, задачи которой так и остались нерешенными в ходе освободительной борьбы — Войны за независимость.

Классик мексиканской литературы **Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди** (1776—1827) отдал дань утопическим построениям. Как утверждают мексиканцы, их литература делится на два периода: до и после этого писателя⁵. За вклад в развитие общественной мысли, религиозной терпимости, свободомыслие его называли мексиканским Вольтером. «По характеру своей личности и деятельности Фернандес Лисарди был трибун, публицист, жаждавший посвятить себя борьбе за очищение общества от пороков и за просвещение массы невежественных сограждан», — писала о нем наш



Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди

ведущий литературовед Вера Николаевна Кутейщикова⁶. Своим пером он немало способствовал делу независимости Мексики. В 1812 г. Лисарди основал либеральную газету «El Pensador Mexicano», название которой стало его псевдонимом, которым он подписывал свои многочисленные памфлеты, стихи, политическую прозу. Именно так он подписал замечательную повесть о несуществующем острове Рикамеа (1814), изобразив там свой идеал общественного устройства. Другой его утопией была повесть «Periquillo Sarniento».

«Письма с острова Рикамеа» являются образцом либеральной утопии. В книге описывается остров, очень похожий на новоиспанское

общество с его расовым и классовым делением, предрассудками и враждой. Там, так же как и в Мексике, большинство населения составляют индейцы, которых белые считают «идиотами, трусами, живущими предрассудками»⁷. Автор отмечал, что между кастами возникают распри и вражда. Однако его герой предстает просвещенным и либеральным правителем. Он сам раздал беднякам треть своего имущества, а доходы вкладывал в строительство больниц, приютов для бедных, в развитие промышленности и науки, представляя собой идеальный образ правителя.

Благодаря такому правителю на острове была установлена либеральная система. Хотя этот остров, как и Новая Испания, был колонией, королевская власть была ограничена «Советом управления», парламентом из 12 депутатов, из которых 6 были представителями знати, и 6 — «плебейства». В случае разногласий решающим был голос просвещенного президента. На острове было достигнуто главное — равенство всех граждан вне зависимости от расы и касты. Эта политическая система, по идее писателя, была уравновешенной и умеренной, способствовала умирению страстей и просвещению народа. Автор «Писем...» утверждал, что стремится к осуществлению на практике «идеального правительств», идеи о котором он черпал в республике Платона и Аристотеля, в «Утопии» Томаса Мора и в трудах Святого Фомы Аквинского⁸.

Фернандес де Лисарди надеялся, что достичь, казалось бы, утопического идеала политической системы можно через принятие совершенных, простых и справедливых законов, через осуществление положений демократической конституции, которая уничтожит привилегии и неравенство. В качестве образца предлагался вымышленный остров Рикамеа, так не похожий на реальную Мексику, но наделенный многими ее чертами. В этом же духе написан его проект: «Конституция воображаемой республики. Беседа деревенщины с пономарем». («Constitución política de una república imaginaria. Conversación del payo y el sacristán»).

Главная идея этого проекта — ликвидация привилегий и равенство всех граждан. Статья вторая гласила: «права гражданина — это то, что дала ему

сама природа: свобода, равенство, безопасность и собственность». В этом радикальном, либеральном и антиклерикальном проекте утопист впервые выдвигает тезис, который будет развит им в «Periquillo Sarniento». В первой же статье конституции воображаемой республики утверждался главный тезис: «гражданами являются лишь те, кто приносит пользу республике»⁹. Идея производительного труда как главного гражданского достоинства и ценности человеческой жизни положена в основу «Periquillo Sarniento» Х.Х. Фернандеса де Лисарди.

Фабула этой повести такова¹⁰. Мексиканец Перико (означает «попугай, болтун, балаболка») Сарньенто (измененная от привычной слуху фамилии Сармьенто, от испанского «sarna» — чесотка, т.е. по-русски это звучит как «Почесухин», т.е. явно иронично) во время путешествия из Филиппин в Акапулько попал в кораблекрушение. Он был единственным, кто смог спастись, и оказался на острове Саучеофу, где обнаружил «странное» с его точки зрения государство. Местные жители, китайцы «добры и гостеприимны ко всем иностранцам, к бедным и богатым»¹¹. Перико попал во дворец вельможи. Он хочет выглядеть аристократом и заявляет, что он знатного происхождения. Когда же его спрашивают о профессии и занятиях, он ставит в тупик хозяев, утверждая, что в Новой Испании знатные люди не трудятся. Местный мандарин был поражен этим откровением и долго смеялся: «Почему в твоей стране физический труд считается низким делом?». Ведь богатый в любой момент может стать бедным, а детей надо воспитывать в любви к труду, а не делать из них лентяев. На этом острове все работают — и бедные, и богатые¹².

На вопрос, чем же он может заняться, Перико стал перечислять «благородные» профессии. Во-первых, военное дело. Мандарин вновь высмеял его. Солдатами должны быть все без исключения граждане и нести службу бесплатно, тогда страна будет непобедима. Во-вторых, служение Богу. На острове работают все, в том числе и священнослужители. В-третьих, работа адвоката. С точки зрения мандарина, это была самая бесполезная профессия, ибо каждый гражданин сам должен знать свои права и чтить закон. Мандарин пришел к выводу, что все эти профессии мексиканцев бесполезны, в них нет никакого смысла. Тогда он приказал поручить Перико красить и обрабатывать шелк. И вот когда он сделает шелковый ковер, то тогда и станет богат и знатен: «Научите его чему-нибудь, что может быть полезным и у него на родине»¹³.

Мандарин высмеял обычай, когда знатные титулы и привилегии наследуются. У них на острове аристократами не рождаются, а становятся благодаря труду или военным подвигам. Все население грамотно, за этим следят специальные судьи. Законы же вырабатывает народная мудрость, а не правитель: «Горе народу, у которого нет своих законов, а получает их от королей, заботящихся лишь о выгоде собственного окружения»¹⁴. Устройство китайского острова основано на рационализме, свободе, равенстве и созидании. Там нет привилегий и наследственной знати.

Лисарди противопоставлял мир идеально-утопического острова Саучеофу и реальный мир Мексики, где царит паразитизм, а представители правящих классов являют собой полное ничтожество. В первом люди живут в гармонии, по справедливым законам, гарантирующим свободу и равенство. Второй мир, новоиспанский (мексиканский), основан на социальном неравенстве, лжи, кастовых предрассудках и привилегиях, это общество пара-

зитическое и порочное. Для автора Саучеофу — это своего рода Эдем, Аркадия, идеал, к которому следует стремиться. В центре же этой утопии — идея труда и равенства.

Фернандес де Лисарди критичен в отношении современного ему общества, но при этом он оптимистичен. После полученных на острове уроков его герой приходит к нравственному очищению. Вернувшись на родину, он начал заниматься созидательным трудом, что является для писателя предпосылкой общественного исправления, создания более справедливого и гармоничного порядка.

Как отмечает исследовательница творчества Фернандеса де Лисарди Мария Роса Паласон, его мечта заключалась в том, чтобы из всего разнообразия сословий и каст сформировать единый средний класс образованных людей, способных к размышлению и диалогу, хорошо питающихся и ни в чем не нуждающихся. Он был убежден, что никакое государство не сможет процветать, пока в нем будут бедняки¹⁵. Эти идеи социального утопизма проросли в Эпоху Реформы*, когда теории радикального либерализма и социализма предлагали мексиканцам альтернативу общественного развития, а традиция утопического романа была продолжена в трудах таких литераторов, как Николас Писарро, Игнасио Мануэль Альтамирано.

Мексиканские романтики и утописты создали богатое литературное и общественное наследие, которым воспользовались последующие поколения. Никогда невозможно доподлинно проследить взаимосвязь между утопией и будущим социальным действием, ибо первая не является политическим руководством или программой. Утопия лишь создает ценностные ориентиры, принципы жизни, этические и антропологические параметры будущего. Именно это прямо или косвенно формирует сознание людей как *homo politicus*. В этой связи значение утопии невозможно недооценить. Литературный утопизм первой половины XIX в. внес немалый вклад в подготовку Реформы.

Первое знакомство мексиканцев с утопическими, социалистическими и социал-либеральными идеями из Европы приходится на 40-е годы XIX в. В 1840 г. в Мехико вышла переведенная на испанский язык работа аббата Роберто Фелисите Ламеннэ «Слова верующего». Читающая публика, как и везде в Латинской Америке, увлекалась трудами социальных романтиков — Виктора Гюго, Эжена Сю, Андре де Ламартина, А.Сен-Симона, Ш.Фурье. Луи Блана и Пьера Жозефа Прудона. Наибольшее же влияние европейских социалистов утопистов и социальных романтиков проявилось в художественной литературе.

Мексиканцы вслед за их европейскими кумирами рассуждали о демократии, социальном равенстве, положении трудящихся и справедливом распределении собственности. Альтамирано и Писарро предлагали свои рецепты достижения справедливости и равенства на мексиканской земле. Их работы вышли после потрясений Реформы, провала французской интервенции, краха империи Максимилиана и восстановления республики в 1867 г., когда мексиканцы стали переосмысливать свой исторический и

* Эпохой Реформы в Мексике называют революционные события середины XIX в., когда либералы предприняли попытку проведения радикальных преобразований в обществе, включая земельные отношения, общину, положение церкви. Соппротивление консерваторов привело к продолжительной и кровопролитной гражданской войне.

социальный опыт середины века. Однако идеи Альтамирано и Писарро генетически связаны с романтизмом и утопическим социализмом 1848 г. Для пропаганды своих идей оба мыслителя прибегали к литературной форме романа.

Игнасио Мануэль Альтамирано (1836—1893) — выдающийся мексиканский писатель, политик, журналист. Он был индейцем по крови, происходил из бедной семьи. Будучи одаренным, талантливым юношей он стал стипендиатом в Литературном институте в г. Толуке. Его учителем был видный либерал Игнасио Рамирес — писатель и публицист. В период Реформы Альтамирано входил в близкий круг президента-индейца Бенито Хуареса, прошел все войны Реформы и французской интервенции. Он был сторонником «литературного мексиканизма». Действие в его романах разворачивается на фоне драматических исторических событий, формировавших мексиканский дух¹⁶.

Альтамирано является автором классической утопии «Рождество в горах» (1871). Действие романа происходит в годы гражданских войн и Реформы. Солдат либеральной армии, возвращаясь домой, находит высоко в горах, в труднодоступном и холодном месте, деревню, в которой царят гармония, счастливая жизнь в простоте и взаимопомощи. Автор этого чуда среди гор — священник Хосе де Сан-Григорио. Солдат беседует с ним и узнает удивительные вещи. Первое, что священник сказал солдату, который был убежденным антиклерикалом, было то, что он сам живет своим трудом, а не за счет прихода или пахарей и ремесленников. Он не берет денег за требы, за совершение таинств, живет скромно, как учил Христос. Солдат восклицает: «Если бы все священники были, как Вы, то я бы никогда не поднял на них руку!»¹⁷. Боевой либерал признает: хотя его называют санкюлотом и еретиком, он готов принять Христову веру в том виде, как ее проповедует падре Хосе. Убежденный солдат при этом даже вспомнил падре Габриэля из романа Эжена Сю.

Священник организовал жизнь крестьян на коллективных началах, руководствуясь примером первых христиан. Он заявлял, что его цель — построить жизнь крестьян на моральных основаниях, ибо считал себя миссионером веры. «Евангелие — это не только Благая Весть в смысле религиозного и морального сознания, но и руководство для общественного благоустройства. Прекрасная и святая мысль о человеческом братстве во всех своих проявлениях должна найти в любом евангелическом миссионере самого страстного своего проповедника».

Хозяйственная жизнь деревни была организована на основе кооперации, коллективного владения землей и равного распределения результатов труда. Священник помог крестьянам улучшить производство за счет введения технических новшеств. Он предложил использовать хорошие семена и выращивать те культуры, которые подходили по климату. Построили мельницу для общего пользования. Селяне стали продавать свои продукты на рынке по более выгодным ценам. Деревня, ранее пустая и печальная, преобразилась, став цветущим садом. «Люди стали лучше питаться, а это уже большой прогресс»¹⁸.

Деревня управлялась самими крестьянами через совет старейшин. Альтамирано делал вывод: «Народ, вдохновляемый религиозной идеей, будет жить по священному закону, закону труда и братства»¹⁹. Альтамирано, ти-



Игнасио Мануэль Альтамирано

партии. В 1863 г. был избран депутатом парламента. После смерти президента Хуареса сотрудничал с первой администрацией Порфирио Диаса. Однако известность он получил не на политическом поприще, а в сфере литературы.

Первоначально Писарро выступил как публицист. Его первое произведение «Политический катехизис народа» было издано в г. Толуке в 1849 г. (в Мехико в 1851 г.). Затем последовали другие «катехизисы»: «Моральный катехизис» (1851), «Политико-конституционный катехизис» (1861). Лишь в 60-е годы он попробовал себя на литературной стезе. Самые известные его произведения «Кокетка» (1861), «Кошелек» (1861), «Колдун» (1868). Известным писателем его сделал роман «Кошелек». Именно в этом произведении он изложил свою социалистическую утопию.

Писарро принадлежал к умеренной части партии либералов. Считал необходимым уравновесить представительную власть народа неким консервативным по определению органом, например, сенатом²¹. В социальной же сфере и в экономике он критиковал фритредерский либерализм, выступал за активное государственное вмешательство в регулирование банковского процента, что должно было оградить бедняков от «капиталистического разбоя»²².

В области борьбы идей Писарро, принимая все догматы либерализма и позитивизма, все-таки критиковал их за «материализм». Как и Альтамирано, он мечтал о возвращении к раннему христианству, критиковал церковь, стремился к новому христианству современной эпохи, чтобы через общинность и ассоциацию люди пришли к жизни, наполненной религиозной чистотой, братской любовью и солидарностью²³.

Писарро считал, что демократическая и представительная республика могут эволюционировать в свободную ассоциацию граждан, в торжество

пичный романтик, видел в прошлом, в патриархальном укладе выход из противоречий современного ему общества наступающего капитализма. Коллективизм и социализм были для Альтамирано единственно верной организацией народной жизни, т.е. системой, выгодной беднякам, абсолютному большинству мексиканцев²⁰. Коллективизм, кооперация и общинность преобладали не только в трудах Альтамирано. В русле подобных взглядов также творил Николас Писарро.

ФАЛАНСТЕР В «НОВОЙ ФИЛАДЕЛЬФИИ» Н.ПИСАРРО

Николас Писарро Суарес (1830—1895) был политиком и литератором, последовательным сторонником Реформы и либеральной

труда над паразитизмом. Ассоциация, по его мнению, сблизит различные классы, при этом государство должно быть регулирующим органом, обеспечивающим справедливость и равенство²⁴.

Огромное влияние на Писарро оказали работы Руссо, идеи Фурье также произвели на него большое впечатление. Он мечтал о создании фаланстеров* в Мексике. Однако на практике не предпринял таких попыток. Его лабораторией была литература. По сути взгляды Писарро были синтезом либерализма и социализма, а точнее его социал-либерализм вплотную приблизился к социализму.

В своем «Политическом катехизисе народа» (1849) и в работе «Свобода в рамках порядка» (1855) Писарро призывал «посеять зерно равенства и справедливости в обществе» через просвещение народа, и прежде всего молодежи из бедноты. Он ратовал за большее равенство в обществе во имя приближения к идеалу жизни ранних христиан²⁵.

В «Политическом катехизисе народа» Писарро уже предлагал способ достижения равенства. Главное, что беспокоит мыслителя, — это катастрофическое для самочувствия нации разделение на бедных и богатых. Он считает крайне важным добиться перераспределения земли в пользу крестьян, чтобы создать как можно большее количество собственников, «чтобы нейтрализовать ужасный эффект, который возникает в обществе из-за концентрации собственности в руках крупных землевладельцев». Писарро призывал дать беднякам орудия труда, защитить ремесленников от иностранной конкуренции и местных монополий²⁶. Достижение юридического равенства, социальной справедливости — главные задачи общества. Труд лежит в основе всего. Иметь лишь необходимое, не больше, но и не меньше — вот формула счастья для человека.

Писарро вопрошал: является ли равенство частным вопросом? И отвечал: нет, это главная проблема общественного развития. «Общество не состоится, если в нем нет справедливости, а справедливости не будет без равенства!», — заключал он²⁷. Равенство и справедливость помогут бороться с тиранией с Евангелием в руках. Для Писарро христианство должно реализоваться через равенство и справедливость.

В политической сфере Писарро выступал за федерацию, в основе которой — самоуправляющиеся муниципалитеты²⁸. Со временем (в «Политико-конституционном катехизисе», 1861) он переходит на более радикальные позиции, ратует за религиозную терпимость, отделение церкви от государства. По-прежнему осуждает богатство, эксплуатацию бедняков, паразитизм высших классов. Вывод: нужна иная социальная организация²⁹. Пример такой организации писатель предложил в своем романе «Кошелек».

Фабула романа такова. Молодой человек из благополучной креольской семьи Фернандо сталкивается с финансовыми трудностями. В грустном расположении духа он путешествует в окрестностях Мехико. Там он видит вопиющую нищету добрых и чистых сердцем индейцев, страдания от болезней и голода, смерть детей, беспомощность и невежество бедняков. Они трудятся в поте лица и бедствуют, в то время как другие ничего не делают, а имеют все удобства жизни. Даже священники, эти «врачеватели

* Фаланстеры (по Ш.Фурье) — члены трудовой общины (фаланги), живущие отдельной социалистической коммуной в общих жилищах.

духа», вырывают изо рта бедняка последний кусок хлеба. Фернандо восклицает: «А как же христианское братство? И ответ Каина — не знаю, где брат мой»³⁰.

Фернандо знакомится со священником Доном Луисом, который поведал ему о чудесном случае. Падре рассказал, что однажды к нему приехал монах-францисканец, который неожиданно для себя унаследовал капитал и предложил его Дону Луису для благих дел. Францисканец хочет создать общину бедняков, организовать ассоциацию тружеников, которые жили бы в ней по апостольским правилам первых христиан. Фернандо и Дон Луис решают посвятить себя созданию такой общины. По их подсчетам, для организации коммуны денег нужно немного. Из нее затем вырастает новая политическая система страны: «Эта группа семей, связанных справедливостью, взаимным интересом и любовью, создаст патриотические муниципалитеты, богатые, мощные — вот основа для политической реформы»³¹. Этот строй Писарро называет социализмом.

Колонию равенства назвали «Новая Филадельфия или Братство дружбы». По просьбе монаха место для общины выбрали на его родине, в штате Халиско, в местечке Атойяк. Именно там эти энтузиасты создали общину. Своим примером они рассчитывали убедить все классы в преимуществах новой системы: «Этот план не только для бедных. Богатые не понимают, как они себя обкрадывают, живя в условиях своего класса»³².

Колония состояла из двух рядов домов, выстроенных по кругу вокруг центральной площади, где находились церковь, общие помещения для досуга (танцев, театра, бесед), школа, детский сад, кухня, столовая, комнаты директора, врача, механика, учителя. Каждый колонист получил домик, состоящий из двух комнат, спальни и комнаты отдыха. В каждом круге было 250 домов. Всего в колонии проживало 500 семей. Холостых не принимали. Стоимость каждого дома составляла 100 песо. Общие затраты по этому проекту достигали 79 тыс. песо, в том числе на машины и оборудование для фабрики. Главное занятие колонистов — сельскохозяйственный труд, но были и фабрика по изготовлению кирпичей и ремесленное производство³³.

Жизнь колоний строилась на добровольных началах: общий добровольный равный труд и справедливое распределение. «Трудящиеся на полях и на фабриках являются членами ассоциации и участвуют в распределении прибыли или убытков»³⁴. Эта колония не устанавливала абсолютного равенства. Существовала «Книга записей», в которую вносили заработанные колонистами трудодни, а также тот капитал, с которым они входили в ассоциацию. У кого не было капитала, вкладывал свой труд из расчета 16 песо в год. Из этого и рассчитывали процент участия в прибыли колонии. Содержание колонистов, их питание, одежда (строго по норме), обучение детей и прочее были равными для всех и считались расходами всей колонии, вычитавшимися перед определением прибыли. Это положение открывало двери колонии не только бедным, но и должно было привлечь представителей зажиточных классов без того, чтобы они отказывались от уже имевшихся у них благ. Эта была колония для всех осознававших необходимость жить в труде и равенстве.

Устав общины, названный «Законом народа», был вывешен у входа в храм. Он определял строгий распорядок жизни колонистов. Регламентировались часы работы и приема пищи, отдыха и обучения. Рабочий день делился на три периода: с 6.30 до 9.30, с 9.30 до 12.00, с 15.00 до 18.00. Всякий раз трудящиеся

должны были менять род деятельности. Если в первую смену они шли в поле, то вторую уже работали на фабрике, а в третью делали что-то альтернативное второму. Чтобы не выйти на работу, нужно разрешение директора, но работают все без исключения, иначе их изгоняют³⁵. Каждая семья получала кровать, шкаф, стол, шесть стульев, четыре простыни, две рубашки, обувь для работы. Питание только общее. Все получают одинаково лишь необходимое. Здесь, как и в «Новой Элоизе» Руссо, царит всеобщая умеренность, усредненность, изобилие в рамках необходимого. В выходные люди развлекались охотой, занимались романтическими делами. Помимо необходимого и гарантированного общиной колонисты могли покупать все, что хотят в магазине, в котором вместо денег тратили свои трудодни или внесенный при вступлении в ассоциацию капитал согласно «Книге записей»³⁶.

Одной из главных задач колонии было просвещение. В школе обучались все дети, но на занятия математикой и другими точными дисциплинами ходили и взрослые. Женщины посещали школу отдельно от мужчин. Как и в фаланстерах Фурье, в новом сообществе должны были соединиться труд, капитал и талант (просвещение). Колония управлялась избираемым директором и советом старейшин. Для решения женских вопросов собирался совет матрон. Директор управлял через капитанов, возглавлявших рабочую группу в 25 человек. Капитанов также избирали на год сами колонисты.

В описании Писарро хозяйственный успех «Новой Филадельфии» был абсолютным. Колонисты подумывали об основании второй колонии. В колонии были представлены все расы и касты мексиканского общества. Бедные индейцы массово просились в ассоциацию. Тем индейцам, у которых не было фамилий, давали фамилии национальных героев Мексики — Морелоса, Герреро, Идальго. Национально-патриотический мотив занимал большое место в романе Писарро. Историческим фоном романа «Кошелек» была война с иностранными интервентами и Реформа.

Писарро указывал на необходимость дополнить либеральные реформы Хуареса социальным содержанием. Фернандо в своих письмах в колонию из переживавшего в сентябре 1847 г. * оккупацию Мехико утверждал, что в «Новой Филадельфии» развивается зародыш новой системы: муниципализация всей власти, которая позволит достичь равенства и справедливости. Единственный способ избежать национальной катастрофы, по мнению Фернандо, — осуществление ассоциации³⁷. В романе Писарро вожди Реформы Бенито Хуарес и Мельчор Окампо проезжали мимо колонии и были поражены тем, что люди работают на полях без надсмотрщиков. По фабуле романа они увидели в этом пример светлого будущего страны, заявив, что сами стремятся к этому идеалу, что это и есть их цель.

Война не прошла мимо «Новой Филадельфии», и в апреле 1848 г. она была разорена войсками. Дон Луис приказал не оказывать сопротивления, руководствуясь принципом ненасилия и показательного примера³⁸. Уже через десять лет колония была восстановлена и создана вторая, а затем третья. Колонисты указывали путь для республики свободы, солидарности и счастья всех граждан.

* Речь идет о занятии столицы страны американскими войсками во время войны 1846—1848 гг.



Хосе Мариа Роа Бърсена

Писарро подчеркивал аморальный и антихристианский характер капитализма, привилегий аристократии и церкви, безнравственность монополии на землю, созданную Богом для всех людей. Альтернативой такому положению был социализм, который у Писарро являлся синтезом политического радикального либерализма, христианской морали и фурьеризма. В его «Новой Филадельфии» был решен главный вопрос Реформы, который она в действительности так и не смогла решить: передать землю крестьянам. Писарро считал собственность законной и нравственной, если она используется для утверждения равенства и гарантий благосостояния всех граждан.

Переход к социализму представлялся Писарро как чисто техническое и административное действие, способное путем примера преобразовать все общество. Как отмечал исследователь творчества Писарро мексиканский историк Карлос Ильядес, этот роман предлагал свой социальный проект для уже победившего либерализма³⁹. Община, описанная Писарро, представляла собой фурьеристский фаланстер. Писатель надеялся, что победа Реформы получит дальнейшее развитие в русле высказываемых им идей. Действительность была далека от этого: либерализм эволюционировал в порфириат, многолетнюю диктатуру генерала Порфирио Диаса.

Писарро выступал как ярый критик позитивизма с позиций социального романтизма. В предисловии к «Кошельку» он критикует гедонистический призыв позитивистов: живи и получай удовольствия⁴⁰. Как настоящий романтик, писатель видит в общинных традициях мексиканских крестьян идеальное и гармоничное общество, столь близкое христианским заповедям, а в муниципализации политической власти и в создании «колоний равенства» — начало всех будущих социалистических преобразований. Сам Писарро называл описанный им эксперимент в «Новой Филадельфии» социализмом. В своей рецензии на «Кошелек» И.М.Альтамирано с восторгом писал: «Это — социализм в его практической реализации в нашей стране. Это — фаланстер, но не преподанный Виктором Консидераном, а воплощенный в прекрасной и захватывающей легенде, которая во многом убеждает»⁴¹.

Писарро оставил «классический» образец социалистической утопии XIX в. Одновременно это была программа преобразований, выраженная языком художественной литературы. Для будущих поколений мексиканских социалистов эта книга не стала тем, чем был роман Чернышевского «Что делать?» для русского освободительного движения. Причин для этого немало: роман написан на спаде либерального движения Реформы и появления более политизированной социалистической мысли, анархизма, родона-

чальником которого в Мексике был Плотино Родаканати. Произведение Писарро — это детище романтизма и европейской революции 1848 г., эпоха которых была на закате. Тем не менее утопия Писарро была ярким явлением мексиканской общественной мысли и литературного творчества в XIX в.

Увлечению социалистическими идеями части мексиканской интеллигенции ответили консервативные литераторы, создавшие антилиберальные и антисоциалистические утопии. Речь идет о повести «Образцовое поместье» талантливого писателя и публициста, консерватора **Хосе Мариа Роа Бърсены** (1827—1908). Это произведение было опубликовано в журнале консервативного толка «La Cruz» в 1857 г., т.е. в годы Реформы.

Повесть рассказывала о помещике Гаспаре, который решил превратить свое ранчо в образцовое социалистическое (либеральное) хозяйство на основе «закона братства и прогресса»⁴². Гаспар много читал о фаланстерах, увлекался идеями Фурье, Сен-Симона и захотел создать из своего поместья идеальную республику. Каждый крестьянин получил участок земли; запрещались телесные наказания и насилие; администратор-надсмотрщик был изгнан; открылась вечерняя школа. Крестьяне избрали комиссию, которая играла роль французского конвента. Затем последовали гонения на священника, на мирового судью.

Результаты были плачевны: поместье разорилось, а крестьяне перестали получать зарплату и впали в нищету. Денег хозяйство не приносило и было арестовано за долги. «Каждая лачуга превратилась в ад нищеты и протитущии»⁴³. Крестьянам внушались сомнения в истинности Бога и бессмертии души. По приказу Гаспара его сын распространял эти идеи среди крестьян. Разложение и моральное падение крестьян дошло до того, что, будучи пьяными, они убили пропагандиста⁴⁴.

Роа Бърсена с большим сарказмом описывал историю «образцового поместья». Он очень талантливо подражал стилю утопистов, пользовался их риторикой, аргументами, воспроизводил их воззвания. Для консерваторов этой эпохи либералы Реформы были такими же социалистами и утопистами, что и французские революционеры 1848 г.⁴⁵ И здесь представлены все доказательства этого: антиклерикализм, покушения на собственность и порядок, непонимание народа. Консерваторы считали либералов людьми, не знающими и не понимающими устремлений и желаний простого народа, упрекали их в простом копировании вредных европейских теорий типа Э.Сю, Ш.Фурье, как писал Роа, «модных во Франции при Луи Филиппе»⁴⁶. Крестьяне, повиновавшиеся Гаспару в начале повести, в конце ее смеялись над ним: «Такова судьба всех любителей новшеств, показанная в малом масштабе поместья, как правило, они остаются раздавленными обломками здания, которое тщетно пытались построить»⁴⁷.

Роа Бърсена ярко и, преувеличивая, подчеркивал утопичность устремлений своего героя, в карикатурной форме показывая его иррационализм и нелепость. Главный его тезис — тщетность любого либерального или социалистического проекта для Мексики, ибо невежество пролетариата (крестьян) будет основным препятствием на пути его осуществления. Но эта талантливая, хотя и очень злая пародия, карикатура, антиутопия не остановила мексиканских мечтателей-утопистов.

Либеральный эгалитаризм и социалистические проекты середины XIX в., непосредственно связанные с процессами и идеями 1848 г., стали предвестниками радикальной программы мексиканской революции 1910—1917 гг. Мексиканские утопические либерализм и социализм, представленный в художественной литературе и общественной мысли, являются собой тот редкий случай, когда можно констатировать их непосредственную связь с последующей историей страны и реальное влияние на политическую и социальную систему будущего. Проблемы пролетаризации городского населения, нерешенность главного вопроса страны — аграрного — были подняты мексиканскими утопистами середины XIX в. Утописты-литераторы предложили свое видение решения этого вопроса — через воссоздание общинного землевладения. К этим проблемам мексиканцы вернулись после революции 1910—1917 гг. Безусловно, мы далеки от мысли видеть прямое и непосредственное влияние писателей-утопистов на квазисоциалистическую аграрную реформу Ласаро Карденаса 30-х годов XX в., так же, как невозможно математически вычислить степень влияния художественной культуры и гуманитарных идей на политику. Тем не менее идея возврата к общинному землевладению существовала в общественной и художественной мысли Мексики с момента завоевания независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.А.Б е р д я е в. Царство духа и царство кесаря. — http://royallib.ru/read/berdyaev_nikolay/tsarstvo_duha_i_tsarstvo_kesarya.html#409600

² К.М а н г е й м. Диагноз нашего времени. М., 1995, с. 175.

³ См.: Utopismo socialista, 1830—1893. Prólogo, Selección, Notas y Cronología Carlos Rama. Caracas, 1977, p. LII.

⁴ G.G a r c í a C a n t ú. Utopías mexicanas. México, 1963, p. 11.

⁵ Liberalismo y utopía. Compilación, prólogo y notas de Efrén Ortiz Domínguez. Xalapa, 2007, p. 23.

⁶ История литератур Латинской Америки: от Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810—1870-е годы). М., 1988, с. 122.

⁷ J.J.F e r n á n d e z d e L i z a r d i. Obras. III — Periódicos. El Pensador Mexicano, vol. 3. México, 1968, p. 397.

⁸ Ibid., p. 397—399.

⁹ J.J.F e r n á n d e z d e L i z a r d i. El Pensador mexicano. México, 1979, p.129 – 130.

¹⁰ Эта повесть является главой многотомного романа, первые тома которого вышли в свет в 1816 г., а последние уже после смерти автора в 1831 г. Как пишет В.Н.Кутейщикова: «Перикильо Сарньенто» — типичный образец плутовской сатиры, спавленной с просветительской диалектикой». Повесть о путешествии — из последних в романе. В ней «используя литературный прием французских предшественников, Фернандес Лисарди отправляет своего героя в странствия». — История литератур Латинской Америки. М., с. 126—131.

¹¹ J.J.F e r n á n d e z d e L i z a r d i. El Periquillo Sarniento. Madrid, 2001, p. 438.

¹² Ibid., p. 439—441.

¹³ Ibid., p. 443.

¹⁴ Ibid., p. 453.

¹⁵ J.J.F e r n á n d e z d e L i z a r d i. El laberitno de la utopía. Una antología general. México, 2006, p. 41.

¹⁶ История литератур Латинской Америки, с. 177—184.

¹⁷ I.M.A l t a m i r a n o. La Navidad en las Montañas. México, 1943, p. 43—44.

¹⁸ Ibid., p. 64—65.

¹⁹ Ibid., p. 71—72.

²⁰ C.I l l a d e s. Las otras ideas. Estudio sobre el primer socialismo en México. 1850—1935. México, 2008, p. 39.

- ²¹ Ibid., p. 78.
- ²² Construcción de la legitimidad política en México en el siglo XIX. Connaughton B., Illades C., Pérez Toledo S. México, 1999, p. 391.
- ²³ C.Illades. Las otras ideas, p. 96.
- ²⁴ Construcción de la legitimidad política en México, p. 397.
- ²⁵ C.Illades. Las otras ideas, p. 78.
- ²⁶ N.Pizarro Suárez. Catecismo político del Pueblo. Méjico, 1851, p.9—10.
- ²⁷ Ibid., p. 14.
- ²⁸ Ibid., p. 27—29.
- ²⁹ C.Illades. Las otras ideas, p. 80.
- ³⁰ N.Pizarro. El Monedero. Méjico, 1861, p. 51—52.
- ³¹ Ibid., p. 76—81.
- ³² Ibid., p. 175.
- ³³ Ibid., p. 132—137.
- ³⁴ Ibid., p. 220.
- ³⁵ Ibid., p. 221—223.
- ³⁶ Ibid., p. 233—235.
- ³⁷ Ibid., p. 311.
- ³⁸ Ibid., p. 422—423.
- ³⁹ C.Illades. Las otras ideas, p. 91.
- ⁴⁰ N.Pizarro. El Monedero, p. 6.
- ⁴¹ G.García Cantú. El socialismo en México. Siglo XIX. México, 1969, p. 161.
- ⁴² Liberalismo y utopía, p. 128.
- ⁴³ Ibid., p. 142.
- ⁴⁴ Ibid., p. 146.
- ⁴⁵ G.García Cantú. El socialismo en México, p. 37—42.
- ⁴⁶ Liberalismo y utopía, p. 129.
- ⁴⁷ Ibid., p. 143.